

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

РУССКИЕ СОЦИАЛИСТЫ В ПОИСКАХ ЧАСТНО-ВОПЛОТИМОГО БУДУЩЕГО**

Получено: 28.11.2023. Рецензировано: 30.12.2023. Принято: 05.04.2024.

Аннотация: В статье предпринимается попытка сквозного рассмотрения «образов будущего» у русских интеллектуалов социалистического направления на протяжении полувека: с 1840-х годов и вплоть до 1890-х. Для раннего русского радикализма характерен акцент на непосредственном, лично реализуемом воплощении новых практик как следствии необходимости преодолеть разрыв между широкими общими представлениями, невозможностью общественного действия и связанных с собственным участием перспектив ближайшего будущего. Базовое напряжение, присущее следующему периоду (с 1860-х), для социалистического направления, заключается в невозможности более или менее соотнести представления о желаемом будущем с представлениями об актуальной западноевропейской ситуации — и тем самым невозможности однозначного принятия прямолинейного прогрессистского взгляда (который в противном случае делал бы актуальное западноевропейское состояние более или менее близкой перспективой для России). Это же напряжение обуславливает и особое внимание и сложность проблематики личного, непосредственного действия — поскольку сама по себе «работа на пользу прогресса» оказывается в этой перспективе социально-неоднозначной. В этой перспективе усиливаются две на первый взгляд весьма далекие друг от друга линии. Во-первых, «просвещенческая», условно а-историческая — где желаемое будущее оказывается производным от торжества разума над неразумием, а разум оказывается сам себе равным, и ключевым вопросом оказывается степень просвещенности общества/масс. Во-вторых, этическая — где «справедливое» понимается как не гарантированное ходом истории и само по себе историческое (хотя и укореняемое, как правило, в «природе человека»). Новую интеллектуальную жизнь этот комплекс идей и представлений получает в «идеалистическом» движении начала XX века.

Ключевые слова: «женский вопрос», идеология «третьего пути», народничество, образ будущего, русский социализм, эмансипация.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-48-86.

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник, научный руководитель, НОЦ «Центр исследований русской мысли» Института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), mestr81@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2437-5002.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья выполнена в рамках реализации стратегического проекта «Национальный центр научно-технологического и социально-экономического прогнозирования».

ВВЕДЕНИЕ

Образы будущего для русских интеллектуалов 1830–90-х годов, более или менее принадлежащих к радикальному лагерю и в целом описываемых с конца 1840-х как «социальные» авторы и затем как «социалисты» (при всей размытости данного понятия, особенно в русском контексте), имели одну специфическую черту, которую следует отметить в самом начале. А именно — они оказывались

- (а) либо воспроизводящими, разделяющими какой-либо общий социалистический идеал, общий в том смысле, что не имеющий какой-либо привязки к России,
- (б) либо стремились (б.1) локализовать первый, конкретизировать его применительно к российской ситуации или (б.2) трактовать локальное как основание/площадку для выработки нового образа будущего — соответственно, либо имеющего универсальную значимость, либо оказывающегося собственно локальным (и в этом случае примечательным образом сближаясь с некоторыми консервативными направлениями мысли, прежде всего разными вариантами «патриархальной утопии», см.: Янковский, 1981).

ПЕРВЫЕ СОЦИАЛИСТЫ И ОБРАЗЫ ОБЩЕГО БУДУЩЕГО

Первые русские социалистические идеи были буквальным переносом, воодушевлением тем или иным из западноевропейских идей — при этом и в 1830-е, и в 1840-е очень далекими от политических импликаций сами по себе, оказываясь политически значимыми через сочетание с другими устремлениями — республиканского, демократического плана (Егоров, 1988). Это относится как к кружку Герцена и Огарева начала 1830-х, так и к «обществу Петрашевского» 1840-х — политическая озабоченность властей, в свою очередь, была скорее производной от западноевропейских, в первую очередь, французских событий тех лет (см.: Мильчина, 2017) и от общей логики противодействия неправительственным объединениям той или иной общественной направленности. Соответственно, ничего специфически-русского в образах будущего, присущих этим кружкам, нет — они оказываются восприятием, переживанием актуальных тем, прежде всего сен-симонистских и фурьеристских, с интересом к идеям Пьера Леру (благодаря во многом романам Жорж Санд, выступившей во второй период своего творчества их транслятором и популяризатором), а затем — Кабэ и Прудона.

Стоит отметить, что одновременную чувствительность к этим идеям демонстрируют и представители консервативной и охранительной мысли. Особенно любопытен в этом отношении Погодин (чьи идеи оказали существенное влияние на славянофилов, см.: Плеханов, 1926) — поскольку впервые стремится включить свое понимание русского настоящего и будущего в большую историческую концепцию, следуя романтической логике «истоков», определяющих (как в зародыше) последующие судьбы исторических субъектов. Погодин, с воодушевлением воспринявший в 1820-е историческую концепцию Франсуа Гизо, одновременно фиксирует нераспространяемость ее на судьбы Востока Европы.

Напомним, что, согласно Гизо, европейская история с конца Римской империи и вплоть до наших дней определяется тремя началами: римским наследием, христианской церковью и противоборством между победителями и побежденными после падения Рима — противоборством, носящим первоначально племенной характер (разделения на принадлежащих к германским племенам завоевателей и побежденных подданных Рима), но которое в ходе дальнейшей истории преобразуется в классовое противоборство. В конце концов этот конфликт, служащий нервом, движущим началом всей истории средних веков и нового времени, разрешается в становлении «гражданства», в котором исчезают различия между прежними сословиями — и если Французская революция была максималистской, как торжество третьего сословия, то в итоге достигается компромисс, который вначале Гизо видит в Хартии 1814 года, а затем в конституционном соглашении 1830 года, воплощением которого становится режим Июльской монархии, где на смену борьбе приходит гармония, воплощаемая уже не в соперничестве классов, а индивидуальной конкуренции (см.: Реизов, 1956: гл. VI).

Погодин, принимая эту теоретическую схему, фиксирует то обстоятельство, что она является объяснением исключительно истории Запада Европы, совершенно неприменимой к Востоку, который не знал ни Римской империи, ни варварского завоевания и, следовательно, который не знает разграничения на победителей и побежденных, лишен классовой борьбы. Тем самым Восток, воплощаемый Российской империей, избавлен от противоборства — и началом его выступает согласие, воплощаемое в призвании князей, а движущим началом истории выступает государственная власть — в отличие от западной истории, выступающая не как воплощение в каждый конкретный момент торжества того или иного класса или их хрупкого соглашения, а носящая внеклассовый характер. Отсюда, заметим попутно, Погодин делает далеко идущие

выводы и предложения для правительства (особенно в ситуации Крымской войны, обращаясь с письмами к верховной власти, одновременно не препятствуя распространению их в публике и тем самым полагая начало «гласности» середины 1850-х) — а именно, поскольку для Российской империи не существует угрозы классовой борьбы, язвы пролетариата и проч., то она может возглавить движение угнетенных на Западе. Если до 1853 г., замечает Погодин, от этого Империя воздерживалась по причинам политической системы, поддерживающей принципы Вены 1815 года, то после этого она свободна от внешних обязательств и не имеет внутренних сдерживающих причин. Если западные общества конфликтны и по существу действуют в ситуации холодной гражданской войны, а потому не могут прибегать во внешней политике к средствам этого рода, опасаясь разрушить собственный хрупкий классовый компромисс, то Российская империя, не имеющая ни аристократии в западном смысле, ни пролетариата, свободна от этих опасений и может действовать свободно, апеллируя к народным массам противника (Погодин, 1874).

В этом рассуждении Погодина уже видны и ростки будущих славянофильских историографических построений (см.: Валицкий, Душенко, 2019), и герценовского «русского социализма» (Малиа, Павлов и Узланер, 2010; Плеханов, 1926) — и при этом, что особенно важно, они вырастают именно из понимания и принятия ведущей на тот момент западной исторической концепции, из обнаруживаемого в ней отсутствия интерпретации восточно-европейского исторического процесса и, соответственно, будущего (поскольку историческая схема «доктринеров»¹ обращена в конце концов к утверждению современности, «Хартии 1814 года»² как окончательного состояния, за которым возможен только

¹ «Доктринерами» с конца 1810-х гг. именовали круг консервативных либералов во главе с Пьером Ройе-Колларом (Royer-Collard), Франсуа Гизо (Gizot) и герцогом Виктором де Бройли (de Broglie). Зачастую политику «Июльской монархии» (1830–1848), прежде всего внутреннюю, определяют как опыт воплощения «доктрины», либеральной конституционной монархии с преобладающим значением крупной буржуазии. О формировании «доктринеров» см.: Бутенко, 1913. К числу историков «доктринерского» лагеря, помимо упомянутых выше Гизо и Ройе-Коллара, относят братьев Тьерри, Баранта и Вильмена. В идейном плане «доктринеры» генеалогически восходят к кругу мадам де Сталь и политической доктрине, сформулированной в 1814–1815 гг. Бенжаменом Констаном (см.: Классический французский либерализм..., Федорова, 2000).

² Хартия 1814 г. — конституционный акт, принятый Людовиком XVIII при вступлении его во власть в 1814 г., после детронизации Наполеона I Сенатом Франции. Для последующих десятилетий — своего рода «образцовый» конституционный текст (на него были ориентированы конституционные акты немецких государств, конституция Царства Польского и др.), как фиксирующий пост-революционный компромисс, признание королевской

количественный рост, прежняя политическая борьба, со времен городских коммун XI века и до Французской революции, наконец, нашла свое разрешение³).

В герценовской рамке описания кризиса современности в конце концов обнаруживается — как в 1840-е, так и на исходе 1860-х — сен-симонистское противопоставление эпох «органических» и «критических». При этом герценовский «русский социализм» будет базироваться на следующем рассуждении:

- (а) критики западных начал, данных самой западной мыслью — критики, которой не избегло ни одно установление — и при этом
- (б) отсутствия на Западе реальных сил, реального исторического субъекта, который является носителем новых жизненных начал и был бы способен осуществить то самое тотальное преобразование, к которому взывает тотальная критика.

В итоге диспозиция определяется всеобщим противоречием — следованием на практике началам, которые отвергнуты мыслью, разрывом между теоретически принятыми положениями и действиями. При этом герценовский подход предполагает одновременно несколько воображаемых будущих — от «вечного настоящего» (образами которого для него выступают Китай и Голландия) вплоть до нового начала, которое оказывается продолжением прошлого — наследием и одновременно

власти ограниченной национальным представительством, с сохранением/утверждением за первой преобладания.

³Примечательно, что на революцию 1848 года Белинский и Огюстен Тьерри отреагируют, при всем различии их позиций, довольно схоже — и тот, и другой увидят в ней нелепицу, род исторической бессмыслицы. Белинский, по словам Анненкова, «принял известие о революции 48 года в Париже почти с ужасом. Она показалась ему неожиданностью, оскорбительной для репутации тех умов, которые занимались изучением общественного положения Франции и не видели ее приближения» (Анненков, 1928: 595). Тьерри, по формулировке О. Л. Вайнштейна, «пытался уверить себя и других, что этот „антагонизм возник вчера“, что он не имеет „корней в истории“, что стремление „разделить массу нации, ныне единую и однородную, на взаимные враждебные классы“, порождено ложными и вредными системами, разрушающими общественное спокойствие, не желающими считаться с историей» (Вайнштейн, 1937: XIII). В предисловии к «Опыту истории происхождения и успехов третьего сословия», помеченного 15.II.1853 г., сам Тьерри писал: «конституционный режим 1814 и 1830 гг. снова связал цепь эпох и идей, возобновив в новой форме попытку 1789 г. установить союз между национальной традицией и принципами свободы. На эту точку зрения, указанную мне самим ходом вещей, я и стал в своем труде, примыкая к тому, что казалось путем, намеченным для будущего, и веруя, что перед моими глазами — провиденциальное завершение вековых усилий, начавшихся с XII века. [...] когда над нами разразилась катастрофа февраля 1848 г. Я был потрясен ею вдвойне, прежде всего как гражданин, а затем как историк» (Тьерри, Вайнштейн, 1937: 4–5).

преодолением. В качестве такового возможного субъекта и выступает Россия — в силу своей архаики сохраняющая крестьянскую массу, которая оказывается носителем и идеалов, и практик, далеких от капиталистической реальности, и вместе с тем образованных слоев, которые вполне проникнуты западной самокритикой существующего западного устройства. Идеалом здесь выступает сложность, напряженность жизни (интенсивность), противопоставляемая «мещанству», буржуазному укладу — делающего невозможным появление человеческих типов, подобных хотя бы XVIII веку.

Это мыслится в сен-симонистском ключе — как революция, аналогичная христианской, в отличие от всех революций XVII–XIX вв., собирающая новую целостность жизни (и потому не нуждающаяся ни в какой обособленной религии, поскольку сама и является таковой⁴). При этом в свою очередь это искомое, желаемое будущее мыслится как в принципе пространственно локализованное — в логике, аналогичной гегелевскому движению истории.

Формулируемый на рубеже 1840–50-х годов «русский социализм» становится попыткой дать универсальный ответ, конкретизированный (потенциально, без исторической предопределенности) в особом, в том числе и пространственно, историческом субъекте. Практически в то же время формулируется альтернативное социалистическое видение — прежде всего в работах Н. Г. Чернышевского, как реализация универсального идеала, лишь приложимого к конкретным/местным условиям.

В рассуждениях Чернышевского и сложившегося вокруг него сообщества «Современника» просвещенческий взгляд претерпевает существенное видоизменение, по внешности оставаясь близким к суждениям предшествующего периода. В основе лежит противопоставление разумного и неразумного порядка вещей, при этом, в свою очередь, «разумное» отождествляется с «естественным». Это отождествление (в принципе

⁴Отметим, что этот взгляд является достаточно распространенным в 1830–40-е годы. Так, Т. Карлейль, оказавший некоторое влияние на Герцена и высоко ценившийся им, мыслит движение истории как череду религиозных идей, их распад и утверждение новых, при этом не имеющих окончательной цели: «господствующая религиозная идея каждый раз обладает лишь относительной истинностью: она проникнута временными элементами и оттого необходимо должна разрешиться в ином, высшем символе» и этот процесс «должен повторяться все время, пока существует история» (Гензель, Морозов, 1903: 152–153).

присутствующее в просвещенческой логике) получает принципиально новую развертку — поскольку «естественность» оказывается теперь гарантом его конечного торжества.

Если просвещенческий взгляд подчеркивает хрупкость разума (или, точнее, эпох его господства), то новое видение совмещает его с исторической динамикой, распространения знания как с точки зрения числа его носителей, так и его доступности. Нам представляется принципиально важным подчеркнуть, что прогрессистская логика не является «само собой разумеющейся» для 1-й половины XIX века и, после краткого преобладания в 1860-е, вновь оказывается поставленной под вопрос до конца столетия.

Это своеобразие русской интеллектуальной ситуации связано в том числе — или даже в первую очередь — с проработкой образов будущего, возможностью помыслить некий привлекательный/желательный вариант для России с точки зрения тех групп и сообществ, которые стремятся вырабатывать такие образы.

Проблема прямолинейной прогрессистской логики в этом ключе будет заключаться в том, что для России более или менее близким будущим будет выступать актуальное европейское состояние и недавнее европейское прошлое как путь к нему. То есть применительно ко второй трети XIX века — то, в чем мало для кого будет находиться положение достаточно привлекательное, чтобы стать предметом вождения: образование сельского пролетариата, большие фабричные пригороды и новые фабричные города с массой горожан в первом поколении, разрушение прежних традиционных форм социальной защиты и новая городская нищета, женский и детский труд и прочие ужасы «положения рабочего класса».

Тем самым «прогресс» оказывается как раз одной из основных точек напряжения в представлениях о будущем, одновременно и привлекательным, и отталкивающим — в том числе как угроза пусть и временного, но именно ближайшего будущего, радикально несовместимого с тем, что выступает как предмет собственных желаний.

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС И «ШЕСТИДЕСЯТЫЕ»

«Женский вопрос» выступает одним из ключевых для русских радикалов с самого момента их, первоначально еще вполне относительного, выделения в общем идейном пространстве, с начала 1840-х годов. Не углубляясь в огромное количество литературы вопроса (см.: Стайтс, Школьников и Шнырова, 2004), выделим лишь одно качественное изменение, которое претерпела тема женской эмансипации с 1840-х к 1860-м

годам. Для 1840-х (и во многом для 1850-х) в лице как теоретиков, так и практиков женской эмансипации, от В. Г. Белинского и А. И. Герцена до В. П. Боткина, речь идет об эмансипации при не подвергающемся сомнению разграничению сфер существования. Так, в цикле статей о «Сочинениях А. С. Пушкина» Белинский (Белинский, 1985: 84 и сл.) трактует мужское и женское существование как несимметричные: если для последнего его сферой является прежде всего исключительно пространство частной жизни, то мужское существование чтобы стать полным должно включать как сферу частного, так и публичного, вне последнего оно оказывается ущербным. Тем самым разграничение пролегал в отношении к любви — для женщины она оказывается главным содержанием жизни, тогда как мужчина, целиком сводящий себя к любви, умаляет себя. Отсюда следует необходимость для женщины быть предельно искренней в любви — реализация себя в любви и есть реализация ее человечности. С нее в том числе должны быть сняты те обязательства, которые существуют для мужчины, поскольку он имеет иные сферы воплощения, и предоставление женщине свободы (образцом которой для этого поколения выступает жорж-сандовский «Жак»⁵) — его долг.

⁵ «Жак» (Jacques, 1834) — один из ранних романов Жорж Санд. Его сюжет: юная девушка выходит замуж за зрелого, богатого и эмоционально-замкнутого господина. Спустя несколько лет она влюбляется в своего сверстника. Жак, как зовут мужа, убедившись в силе и глубине чувства жены, принимает решение не препятствовать влюбленным и кончает жизнь самоубийством. Роман имел мощное и долговременное влияние на русскую литературу, его сюжетная рамка послужила основой для «Что делать?» Н. Г. Чернышевского (1863). Последний полемизирует с «Жаком», настаивая, что для «новых людей» выведенный Жорж Санд конфликт не является трагическим, разумные эгоисты не только могут найти из него взаимоприемлемый выход, но в итоге и обрести общее счастье. Среди других произведений русской литературы, связанных с «Жаком» (см.: Кафанова и Соколова, 2005: 30 и по указателю), следует назвать из числа наиболее известных «Полиньку Сакс» А. В. Дружинина (1847), «Кто виноват?» А. И. Герцена (1846), «Противоречия» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1847), репликой одновременно и в адрес Жорж Санд, и Чернышевского служит Свидригайлов и его «отъезд в Америку» в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского (1866). Отсылку к «Жаку» использовал Чернышевский и в личной жизни, когда делал предложение своей будущей жене, Ольге Сократовне Васильевой: «Разговор перешел к моим понятиям о супружеских отношениях. — „Неужели вы думаете, что я изменю вам?“ — „Я этого не думаю, я этого не жду, но я обдумывал и этот случай“. — „Что ж бы вы тогда сделали?“ — Я рассказал ей „Жака“ Жорж-Занда. „Что ж бы вы, тоже застрелились“ — „Не думаю“, и я сказал, что постараюсь достать ей Жорж-Занда (она не читала или во всяком случае не помнит его идей)» (дневник Чернышевского, цит. по: Паперно, 1996: 104–105).

В 1860-е годы проблематика принципиально меняется — теперь вопрос стоит о возможности для женщины включения в публичное пространство, исполнения тех же общественных ролей, что ранее отводились исключительно мужчине. И параллельно этому вопрос об эмансипации переформулируется (наиболее отчетливо в начале 1860-х гг. это делает Чернышевский в «Что делать?», 1863) как вопрос о самоэмансипации (о реальной подкладке и обстоятельствах времени см.: Богданович, 1928; Паперно, 1996; Печерская, 1999). Образ чаемого равенства мыслится достигаемым прежде всего через экономическую самоэмансипацию — выражением чего станет известный сюжет со швейной мастерской, устраиваемой Верой Павловной, который получит многочисленные практические попытки повторения. При этом сам сюжет романа образует последовательное движение от эмансипации (где эмансипатором Веры Павловны, сообщающим ей верный взгляд на мир и выводящий из-под власти семьи выступает студент Лопухов) к самоэмансипации, где на основе приобретенных знаний Вера Павловна достигает собственной экономической автономии, становящейся реальным основанием ее социальной самостоятельности, и выступает как организатор швейной артели, в которой швеи становятся не только самостоятельными работницами, но и выстраивают уклад совместной жизни⁶.

Примечательно, что для Герцена в конце его жизни «женский вопрос» вновь выступает критерием состоятельности — но на сей раз в своеобразном преломлении личного и общественного. В 1867 году, обсуждая в переписке с Огаревым состояние своих личных дел и запутанную семейную историю⁷, он утверждает, что они (т. е. Герцен и Огарев) так

⁶Отметим, что Н. С. Лесков несколькими годами позднее в романе «Обойденные» (1865) попытается дать собственную версию аналогичной швейной мастерской — на его взгляд более реалистическую (так, у мастерской будет хозяйка, работницы будут получать именно заработную плату, а не долю в прибыли, среди работниц будет существовать иерархия в соответствии с их трудовыми и организационными навыками), как попытку дать практически-применимую версию этого устремления.

⁷Напомним, что с 1857 года Герцен вступил в устойчивые отношения с Н. А. Тучковой-Огаревой, женой Н. П. Огарева, от которой имел трех детей. Их отношения до последних лет жизни Герцена (ум. 1870) оставались скрываемыми как от публики, так и по мере сил от детей Герцена от первого брака, с Н. А. Захарьиной. При этом Огарев зажил с 1857 г. отдельно — а затем образовал полупубличный союз с Мэри Стэрленд, сына которой воспитывал. Отношения Герценов-Огаревых становились предметом многочисленных, в том числе и идейных, пересудов в русской радикальной, прежде всего эмигрантской среде, их заметным отражением стал опубликованный уже в 1880-е годы роман «Жизнь за жизнь» (Вестник Европы, 1885, № 4–6), написанный женой члена

и остались «ветхими людьми». Иными словами, речь идет не о невозможности вообще построения новых отношений «здесь и сейчас» — а о том, что для этого надлежит быть «новыми людьми» (и Герцен, вероятно, сознательно здесь пользуется отсылкой к евангельскому образу, актуализированному Чернышевским, «Что делать?» которого носит подзаголовок «Из рассказов о новых людях», тем более что в это время он как раз перечитывает этот роман).

«Женский вопрос» и вопрос о новом устроении семейных отношений занимает центральное место в рассуждениях 1860-х годов в том числе и потому, что предполагает стремительный переход в практику — «новая жизнь» начинается здесь непосредственно, переход к другому существованию открыт для каждого, а способность этого устроения выступает или как (а) испытание себя, своего соответствия собственному идеалу или (b) как критика действием этого идеала. Радикальная критика 1870-х (Михайловский, Скабичевский) будет акцентировать прежде всего невозможность перехода к желаемым отношениям («свободного выбора», освобождения страстей и т. п.) вне перемен общего порядка — здесь оказываясь другой стороной консервативной критики (как в романах Николая Лескова 1860-х годов, Болеслава Маркевича в следующем десятилетии или «Анне Карениной» Толстого), изображающей реальные последствия попыток осуществления желаемого.

СЕМИДЕСЯТНИКИ И «ДОЛГ ПЕРЕД НАРОДОМ»

1860-е для русской радикальной мысли будут временем прямолинейного соединения биологических представлений и представлений о желательных преобразованиях общественного и индивидуального существования — разные варианты прогрессистского эволюционизма будут обеспечивать снятие противопоставления сущего и должного, переводя различие между ними сугубо в темпоральный план. И тем самым мыслимое должное будет одновременно и тем, что выступает более или менее близким будущим — тогда как возможное расхождение между будущим более отдаленным и желаемым состоянием снималось за счет отдаленности времени. Большая временная дистанция мыслилась либо как способная трансформировать саму систему желаний (и тем самым нечто в отдаленной перспектива, теперь вызывающее неприятие,

«Земли и Воли» и одного из лидеров «молодой эмиграции» Николая Утина, Натальей (опубл. под псевдонимом «Н. И. Таль»).

сделается желанным), либо сама прямолинейная проекция представляла ложной, поскольку в дальнейшем сами появившиеся новые силы приведут к формированию иного будущего.

Рубеж, отделяющий русские «шестидесятые» от «семидесятых»⁸, обозначается почти синхронным появлением двух текстов, значимых затем для русской радикальной мысли на протяжении многих десятилетий — началу выхода в 1868 году «Исторических писем» П. Л. Лаврова (публиковались под псевдонимом «Миртов») и публикации в 1869 г. в «Отечественных записках» статьи Н. К. Михайловского «Что такое прогресс?», сразу сделавшей Михайловского ведущим теоретиком радикального лагеря⁹.

Долг перед народом. Лавров вводит ключевой образ «долга перед народом», который присущ некоторым представителям образованных слоев общества, осознающих, что блага их положения, доступ к знанию, способность к видам и типам удовольствий, закрытых для других, основывается на существующем типе общественного устройства и предполагает наличие массы тех («народа»), которые не имеют этих благ, создавая условия для их существования. При этом Лавров отдельно акцентирует, что этот «долг» является сознанием самих образованных, «мыслящего пролетариата» (по ставшему расхожим выражению Писарева), а отнюдь не выступает правом требования со стороны самого «народа», в том числе и потому, что пожертвование последним своих сил и средств не является сознательной жертвой.

⁸Оба понятия в данном случае используются в смысле, далеком от календарного времени. Русские «шестидесятые» обычно понимаются как период с 1855/1856 гг., начала нового царствования и начала более или менее гласной разработки масштабных общественных преобразований (прежде всего провозглашения близости крестьянской реформы) и вплоть до 1866 г., где символическим рубежом выступает «каракозовский выстрел», покушение Д. В. Каракозова на жизнь Александра II 4 (16) апреля 1866 г. (Котляревский, 1916). Под «семидесятыми» в идейно-политическом плане, соответственно, понимается период с 1868/1869 гг. и до 1877–1878 гг. — т. е. после появления принципиально новой конфигурации общественно-политических изданий (вслед за паузой 1866–1868 гг., запрещения «Современника» и «Русского Слова»), «Отечественных Записок», «Дела», газеты «Неделя» (1866) и вплоть до общественно-политической активизации в ходе событий предшествующих (Боснийский кризис, Сербо-Турецкая война), а затем сопутствовавших Русско-Турецкой войне и террористической активности «Народной Воли».

⁹Примечательно, что лево-эсеровское издательство «Колос» еще в 1922 г. в качестве манифеста своего направления сочтет уместным именно переиздание этой статьи Михайловского отдельной брошюрой, в сопровождении предисловия Иванова-Разумника (Михайловский, 1922).

Осознание этого долга ведет «мыслящие личности» к тому, чтобы выстроить свою жизнь таким образом, дабы жертва/пожертвование со стороны народа не оказалось напрасным — тем самым «долг» оказывается руководящим принципом поведения в текущих условиях, целью же является ситуация, в которой этот принцип окажется избыточным. «Мыслящие личности» до тех пор не могут руководствоваться исключительно собственными целями, стремлением к самореализации, чистому познанию и т. п. — поскольку подобный их выбор означает отказ от стремления возратить долг. До тех пор, пока долг не осознан — моральной проблемы не существует, но с момента признания/осознания прежний, самодостаточный тип поведения оказывается морально невозможным для «мыслящей личности».

Утвердить этот принцип как необходимый, «доказать» его, утверждает Лавров, невозможно — он утверждается именно нравственной борьбой: этика мыслится Лавровым как пространство борьбы конкурирующих этических принципов, где группы, осознавшие и принявшие некое моральное требование, руководствуются им и стремятся утвердить его для других¹⁰. Если принцип «долга перед народом» получит значительное распространение, то он станет внешней нормой для большинства представителей образованного общества, где неприличным сделается уклонение от него.

В конце концов путь прогресса оказывается утверждаемым на развитии знания — фактически Лавров повторит здесь схему Кондорсе, полагающего, что с определенного момента система наличного знания оказывается уже неуничтожаемой внешними по отношению к нему событиями (войнами, переворотами, стихийными бедствиями) за счет распределенности, и становится очевидной его собственная имманентная логика развития. А знание мыслится как связанное — хотя и не прямолинейно — с нравственностью, тем самым автономный рост научного знания ведет в целом к утверждению высших нравственных ценностей (Лавров, 1934: 196–216; Книжник-Ветров, 1925; Кондорсе, Шапиро, 1936).

Типы человеческого существования и полнота развития. Уже у Лаврова в его трактовке этических принципов можно видеть приложение

¹⁰Лавров в 1868 году писал, что идеалы, вынашиваемые критически-мыслящими личностями, их усилия по общественному преобразованию, являются «субъективными», «но чем лучше мы его [наш идеал. — А. Т.] проверим критикой, тем больше вероятно, что он есть высший нравственный идеал, возможный в настоящую эпоху» (Лавров, 1965: 291).

эволюционной трактовки и конкуренции различных групп, носителей соответствующих принципов — однако в конце концов эволюционизм Лаврова оказывается прогрессистским, ведущим к общему благу. В лице Михайловского¹¹ выступает радикально другая трактовка эволюционного принципа, на сей раз именно дарвинизма (и в пересечении со спорами вокруг спенсеровского эволюционизма). Цикл работ рубежа 1860–70-х годов, самой влиятельной из которых является названная выше статья «Что такое прогресс?», является реакцией на кризис прямолинейного приложения дарвинизма к общественным вопросам¹² и попыткой выхода из тупика радикальной мысли 2-й половины 1860-х годов.

Центральным пунктом для Михайловского становится вопрос о субъекте общественного/исторического развития и трактовка эволюции самой по себе как нравственно-нейтральной, введение в русское общественное пространство понимания дарвиновской теории именно как теории «выживания наиболее приспособленных» к текущим условиям, а не их совершенствования. Восприняв трактовку дарвинизма от Ножина (см.: Рудницкая, 1975), он настаивает, что эволюционный процесс сам по себе не ведет ни ко благу, ни ко злу, более того, не является единым даже в своих собственных координатах, поскольку постоянно соотносен со средой, понимаемой динамически. Однако ключевое уже в приложении к социальному для Михайловского — вопрос о том, с точки зрения какого субъекта оценивается процесс: (а) общества как целого, понимаемого органицистски или (б) отдельного человека. И то, и другое являются участниками эволюции — однако преуспевание общества как целого отнюдь не тождественно улучшению или сохранению прежнего положения отдельным человеком: например, большая общественная

¹¹Михайловскому принадлежит и обретшее затем широкое распространение определение «кающийся дворянин», введенное им для описания главного героя в единственном его большом беллетристическом произведении, автобиографических очерках «Вперемешку» (1876–1877).

¹²Наиболее заметными в этом плане являются статьи сотрудника «Русского Слова» Варфоломея Зайцева 1862–1864 гг., истрактовывающего социологическое приложение дарвинизма как освобождающее от прежних предрассудков, дающее возможность скованным ранее последними реализовать имеющиеся у них силы.

Заметим попутно, что в итоге Зайцев — трактуя с этой точки зрения отношения между расами — будет высказываться за создание отдельного негритянского государства как способ решения вопроса об отношениях рас в США, поскольку с его точки зрения темнокожие в целом изначально отличаются худшими биологическими качествами и в условиях формального равенства в одном политическом целом с «белыми» гражданами США в целом пребывали бы в ситуации неблагоприятной конкуренции. Здесь Зайцев в том числе вплотную подходит к вопросам позитивной дискриминации.

производительность может происходить за счет функционализации человека. Продолжая свое рассуждение, Михайловский утверждает невозможность количественного, иерархического сопоставления, например, современного промышленного рабочего и австралийского аборигена — бессмысленность в данном случае вопроса о том, кто из них стоит выше на «лестнице развития»? Вопрос является бессмысленным, поскольку они принадлежат к разным типам человеческого существования — и если в реализации своего типа австралийский абориген, например, является одной из элементарных форм, то осмысленным будет сопоставление его с другим вариантом того же самого типа (Виленская, 1979: гл. 2).

Формулируя положения, получившие затем название «субъективной социологии», Михайловский утверждает в качестве идеала всесторонне полноценно развитую личность, отсылая в первую очередь к Шиллеру и идущей от него традиции (Валицкий, Душенко, 2013: 277–279). Австралийский абориген или русский крестьянин оказываются в его представлении качественно намного ближе к нему, чем современный ученый-специалист или клерк — поскольку жизнь первых включает в себя самые разнообразные виды деятельности и досуг, создаваемый ими же самими. Отсюда предметом стремлений в логике Михайловского должно быть как создание условий для таких способов существования, так и преодоление логики «производительности». В отличие от рассуждений Лаврова у Михайловского и «кающийся дворянин», и «критически мыслящая личность» подвижны, по крайней мере не только одним внешним по отношению к ним, ими осознанным долгом, но и собственным интересом — поскольку и их существование оказывается неполным, ущербным по отношению к их идеалу, они стремятся к своим собственным целям, из которых в том числе и формируется общественный идеал.

Отметим, что для поворота «семидесятых» характерно возрождение этического как автономного и утверждение представлений о желанном будущем как самостоятельном источнике действия, способном противостоять как существующему порядку вещей, так и «естественным» логикам последнего: для движения 1870-х — начала 1890-х годов первостепенно значимым станет поиск альтернатив, внимание к маргинальным (или кажущимися таковыми) хозяйственным укладам, разнообразию культурных типов.

В ПОИСКАХ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ

Для периода 1870–90-х годов основным среди собственных образов будущего будет стремление (а) совместить/представить образ индивидуальной свободы в порядке общественного преобразования и (б) возможность непосредственной реализации.

И одновременно с этим — вопрос возможности/уместности личного счастья. Так, для 1880-х большую роль, с одной стороны, поэзия, проникнутая жертвенным пафосом (напр., весьма популярная в эти годы «Гефсиманская ночь» Минского, 1887), с другой — поиск вариантов за пределами «больших идеологий», в коммунитарном движении (Гордеева, 2017), которое в это время переживает свой взлет и наиболее известным направлением которого станет «толстовство».

Перевод в план непосредственного действия будет ключевым для всех дебатов 1870–90-х годов. В том числе приводя к формированию своего рода «консервативного народничества» 1880-х годов, которое будет мыслить желаемый идеал в рамках аграрного социализма через развитие общины и общинных форм организации труда (артели), что приведет к переоценке правительственного фактора — где текущая власть начнет восприниматься как «хранительное» начало, защищающее существующие формы от вторжения капиталистических отношений и тем самым дающее им возможность сохраниться до тех пор, пока внешний (по отношению к России) мир сам не трансформируется таким образом, что позволит реализоваться социалистическому потенциалу, скрывающемуся в архаических трудовых отношениях.

Другим значимым сюжетом будет роль труда, приносящего непосредственную пользу другим — и тем самым дающего удовлетворение работнику. Эта проблематика выйдет на передний план в 1880-е годы (хотя ее существенное присутствие можно обнаружить уже с начала 1860-х годов) — прежде всего как вопрос о моральной оправданности интеллигентного труда.

Образ будущего, рисуемый прежде всего как реальности, избавленная от непроизводительных, паразитических видов деятельности (и здесь отражающий просвещенческо-камералистский идеал упорядоченности), возвратным ходом ставит под вопрос оправданность массы текущих видов деятельности — их неочевидную «полезность» вообще или в данных социальных условиях или некую избыточность по отношению к «насным нуждам».

Приход нео-марксизма будет восприниматься как вторжение логики рассуждений о будущем, выстраиваемом вне желаемого или нежелаемого — и трактуемый оппонентами как элиминация этической составляющей (в свою очередь совпадая с тяготением к построению «научной этики»).

Для 1860-х образ будущего «народа» для русских радикалов выступал чаще всего уподоблением им самим — так, программы народных школ начала 1860-х предполагали прежде всего упрощенные, приуроченные к восприятию учеников курсы, ориентированные на общее образование самих учителей, культурные потребности мыслились как должныствующие быть перестроены по образцам интеллигентного культурного досуга (см. хотя бы хрестоматийные строчки Некрасова о том, что понесет в будущем с базара из книг народ). 1870-е выступают здесь временем культурной перестройки, в том числе получением принципиального нового опыта взаимодействия с различными народными группами как в результате «хождения в народ» (1874), так и последующего опыта агитаторской работы, ссылок и т. п. — так что в итоге к 1880-м происходит (а) признание субъектности «народа», (b) его принципиальной неоднородности и (с) наличия у него своих собственных представлений о должном, собственных устремлений — с которыми теперь радикальное сознание стремится взаимодействовать. Крайним примером на этом пути интеллектуальной эволюции станет И. И. Каблиц (лит. псевдоним Юзов), который выдвинет принцип следования за народными представлениями и чаяниями, определяя это как «народничество» (см.: Каблиц [Юзов], 1886; Каблиц [Юзов], 1888)¹³. Задачей образованных слоев здесь определялось не только «служение народу», но и служение тем его устремлениям и интересам, как он сам их понимает и принятие его форм существования — исходя из принципа, что если таковые существуют, то в них сам народ находит смысл, возможно, не внятный для внешнего наблюдателя. Поэтому от интеллигенции здесь требовалось прежде всего стремиться учиться видеть и понимать с точки зрения

¹³Этот лексический выбор приведет в том числе Михайловского к неоднократному подчеркиванию, что сам он «народником» не является — что совершенно последовательно, поскольку в его логике целью никак не должно быть следование за данными народными устремлениями, а именно взаимодействие с ними, признание народа (в противопоставлении интеллигенции) самостоятельным субъектом со своими собственными интересами, который не может быть ни просто «веден» интеллигенцией, навязывающей ему свои собственные представления, ни выступать для нее источником целей и ценностей, поскольку они по определению являются для интеллигенции чужими.

народа, без привнесения своего сознания (в том числе и потому, что само это сознание не делало интеллигенцию и ее образ жизни более «счастливым», чем жизнь народа — а потому она и не имела права трактовать его как превосходящий последнюю).

В политическом плане примечательно, что с 1860-х годов получит распространение федералистский идеал (при этом трактуемый как в плане федерального государства или федерации государств, так и федерирования в анархистской программе, как объединения без передачи суверенитета, который Бакуниным мыслится принадлежащим каждому отдельному индивиду — и ведет к видению федерации как ассоциации как территориальных, так и вне-территориальных образований). Если в 1917 году федерализм окажется программно не отвергаемым ни одной из сохранившихся после февраля политических партий (см.: Российская революция 1917 года..., 2017) — то это будет в том числе связано и с политической всеядностью федерализма. Напомним, что с 1860-х годов он выходит и как часть славянофильской политической мечты (значение областей, «областной отдел» в славянофильской газете «День» 1861–1865 гг., опыты изложения русской истории по областному принципу), и в формирующемся под славянофильским влиянием сибирском областничестве (см.: Лемке, 1904; Потанин, 1987), и панславистской утопии славянского политического союза¹⁴, украинофильского движения и идей Н. И. Костомарова 1860-х годов (Тесля, 2017). Если для русских радикалов 1840-х годов¹⁵ идеалом выступала унитарная республика, воспроизводя в том числе политическую мифологию Французской революции¹⁶, то к первым десятилетиям XX века этот идеал сохранился только у части социал-демократов, при этом на практике они оказались сами вынуждены отступить от него и воспринять лозунг федеративного устройства.

Сюжет федерирования значим для нас в контексте данной работы не сам по себе, а как зримое выражение общих предпосылок, разделяемых всем этим кругом — через отсылки как к конкретно-историческому

¹⁴Это утопическое панславистское видение оказалось одним из самых устойчивых элементов — от «России и Европы» Н. Я. Данилевского (1869) до утопического романа С. Ф. Шарапова «Через полвека» и настроений времен Первой мировой войны (Павленко, 2016; Шарапов, 2011).

¹⁵Как и для их предшественников — политических радикалов 1820-х, в первую очередь для характерной фигуры П. И. Пестеля (см.: Эдельман, 2022).

¹⁶См. показательную реакцию В. Г. Белинского на дело Кирилло-Мефодиевского общества в 1847 г.

опыту федеративных образований (где в качестве примеров обычно фигурируют североамериканские Соединенные Штаты, во многом сквозь призму токилевского описания и его переложений, и опыт Швейцарского союза), так и самому принципу свободного объединения — трактовка, которая найдет в том числе отражение и в положениях Договора об образовании СССР 29.XII.1922 г., фиксирующего право сецессии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как хорошо известно — мышление, направленное к будущему, понимаемому как развертывание имманентной логики истории, само по себе является исторически недавним (Бультман, Руткевич, 2012; Лёвит, Саркисянц, 2021). В этом отношении история русской социалистической мысли 1840–90-х годов, очерченная общим взглядом, представляется весьма показательной, как пример того, как проникает — и проникает вне однородности, прямолинейности развития, — этот способ мышления.

Тот взгляд, направленный прежде всего в будущее, который становится само собой разумеющимся с конца XIX — начала XX в. — на протяжении всего предшествующего полувека является не только лишь одним из возможных, но одновременно выступает проблематичным для себя самого. Он оказывается либо попыткой радикального приближения, обращения «будущего» почти в неотличимое от «настоящего» (с одновременным созданием «далекого будущего», где возможно едва ли не все — как в хрестоматийном диптихе «Четвертого сна Веры Павловны» и «Эпилога» «Что делать?» Чернышевского), либо предстает в трактовке именно как открытого будущего, при этом в ситуации насильственной деполитизации, создающей в рамках доступного выражения невыносимое напряжение между возможностью непосредственного индивидуального действия и ответственностью за будущее, создаваемое конкретными человеческими усилиями (то, что у Трифонова вылилось в заглавие его романа о народолюбцах, «Нетерпение»).

Для русской социалистической мысли 1840–90-х годов в перспективе образов будущего основным выступает напряженный поиск альтернатив и оснований к ним — альтернатив не столько по отношению к существующему порядку вещей внутри страны, сколько к «близкому будущему», которое предстает в лице в первую очередь Западной Европы¹⁷. То

¹⁷Н. К. Михайловский писал в цикле статей «Борьба за индивидуальность» (1875–1876): «Пока система наибольшего производства только освобождала личность, разбивая узы цехов и монополий, на нее возлагались всяческие надежды, а по мере того, как стал

есть центральным здесь выступает не столько какой-то конкретный образ будущего — сколько утверждение не-неизбежности, альтернативы (см.: Ингерфлом, 1993) либеральному порядку с сохранением логики эмансипации и в противостоянии разнообразным вариантам «патриархальной утопии».

При этом «узловой» для русских интеллектуалов рассматриваемого периода выступает возможность перевода образа желаемого будущего в план непосредственного действия — присутствия и/или создания этого будущего здесь и сейчас. И тем самым сам интеллектуал оказывается не только в плане мысли, но и на уровне действия «агентом будущего» (в отличие от других — выступая таковым сознательно). В первую очередь это относится к пониманию его как носителя новой морали — и это положение находит рефлексивное выражение в «Исторических письмах» Лаврова. Будущее для значительной части основных социалистических теоретиков этого времени (напр.: Герцена, Лаврова, Михайловского, Водовозова) выступает как открытое — при этом в значительной степени сопряженное с нежелательным или прямо пугающим развитием событий (возможность негативного направления развития событий). Однако его открытость создает, в связке с просвещенческой логикой, своеобразный оптимизм — как возможность его выстраивания в желаемом направлении и поиск тех сил, которые заинтересованы или могут быть заинтересованы в таком развитии событий. Это придает мышлению о будущем 1860–90-х годов характерную проективность — или, пользуясь языком эпохи, с одной стороны мысленное «построение идеала», «общественного идеала», с другой стороны — определение его реализуемости, становящееся полем дебатов.

Новую жизнь эта интеллектуальная схема получит в «идеалистическом движении» начала века, прежде всего в сборнике «Проблемы идеализма», как попытку подвести под старую модель русского радикализма адекватное ему философское основание и получить новый толчок для общественного движения (см.: Колеров, 2002), при этом примечательно, что в идеалистическом движении начала века проблема

обнаруживаться ее двусмысленный характер, ее стремление заменить одни узы другими — надежды стали ослабевать. Старые узы оказались в некоторых отношениях сноснее новых, потому что они все-таки гарантировали личность от бурь и непогод. Явилась мысль применить их старые принципы к требованиям нового времени, причем, разумеется, совершаются и неудачные опыты, потому что дело предстоит нелегкое» (Михайловский, 1896: 440).

непосредственной практической переводимости займет второстепенное место — и главными станут сюжеты интерпретации и направления большого политического действия, роль идеологов (см.: Ермичев, 2014: 133–139).

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков П. В.* Литературные воспоминания / под ред. Б. М. Эйхенбаума. — Л. : Academia, 1928.
- Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. — М. : Художественная литература, 1985.
- Богданович Т. А.* Любовь людей шестидесятих годов. — Л. : Academia, 1928.
- Бультман Р.* История и эсхатология : Присутствие вечности / пер. с англ. А. М. Руткевича. — М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012.
- Бутенко В. А.* Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1: 1814–1820. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1913.
- Вайнштейн О. Л.* Огюстен Тьерри // Избранные сочинения / О. Тьерри ; пер. с фр. О. Л. Вайнштейна. — М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. — С. VIII–XXVI.
- Валицкий А.* История русской мысли от просвещения до марксизма / пер. с англ. К. В. Душенко. — М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013.
- Валицкий А.* В кругу консервативной утопии : Структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с пол. К. Душенко. — М. : Новое литературное обозрение, 2019.
- Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. — М. : Наука, 1979.
- Гензель П. Т.* Карлейль / пер. с нем. П. Морозова. — СПб. : Издание редакции журнала «Образование», 1903.
- Гордеева И. А.* Забытые люди : История российского коммунитарного движения. — М. : Common Place, 2017.
- Егоров Б. Ф.* Петрашевцы. — Л. : Наука, 1988.
- Ермичев А. А.* Имена и сюжеты русской философии. — СПб. : Наука, 2014.
- Ингерфлом К. С.* Несостоявшийся гражданин : Русские корни ленинизма. — М. : ИПОЛ, 1993.
- Каблиц И. И.* [Юзов И.] Интеллигенция и народ в общественной жизни России. — СПб. : Типография Н. А. Лебедева, 1886.
- Каблиц И. И.* [Юзов И.] Основы народничества. Ч. 1. — СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1888.
- Кафанова О. Б., Соколова М. В.* Жорж Санд в России : Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1832–1900). — М. : ИМЛИ РАН, 2005.

- Классический французский либерализм. Сборник / пер. с фр. М. М. Федоровой. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
- Книжник-Ветров И. С.* П. Л. Лавров : его жизнь и труды. — Л. : Прибой, 1925.
- Колеров М. А.* Idealismus militans : история и общественный смысл сборника «Проблемы идеализма» // Проблемы идеализма. Сборник статей (1902) / под ред. М. А. Колерова. — М. : Модест Колеров, «Три квадрата», 2002. — С. 61–224.
- Кондорсэ Ж. А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. с фр. И. А. Шапиро. — М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1936.
- Котляревский Н.* Канун освобождения. 1855–1861 : Из жизни и настроений в радикальных кругах того времени. — Пг. : Типография М. М. Стасюлевича, 1916.
- Лавров П. Л.* Избранные сочинения на социально-политические темы. В 8 т. Т. 1. 1857–1871 / под ред. И. А. Теодоровича ; примеч. И. С. Книжника-Ветрова. — М. : Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934.
- Лавров П. Л.* Философия и социология. В 2 т. Т. 2. — М. : Мысль, 1965.
- Лёвит К.* Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории / пер. с англ. А. Саркисянца. — СПб. : Владимир Даль, 2021.
- Лемке М. К.* Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк к десятилетию со дня кончины (1894–7/VI–1904 гг.) — СПб. : Изд. редакции газеты «Восточное обозрение», 1904.
- Малла М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855 / пер. А. Павлова, Д. Узланера. — М. : Территория будущего, 2010.
- Мильчина В. А.* «Французы полезные и вредные» : Надзор за иностранцами в России при Николае I. — М. : Новое литературное обозрение, 2017.
- Михайловский Н. К.* Сочинения Н. К. Михайловского. В 6 т. Т. 1. — СПб. : Издание редакции журнала «Русское Богатство», 1896.
- Михайловский Н. К.* Что такое прогресс? / под ред. Р. В. Иванова-Разумника. — Пг. : Колос, 1922.
- Павленко О. В.* Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. — 2016. — № 5. — С. 3–15.
- Паперно И.* Семиотика поведения : Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. — М. : Новое литературное обозрение, 1996.
- Печерская Т. И.* Разночинцы шестидесятых годов XIX века : феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики (мемуары, дневники, письма, беллетристика). — Новосибирск : Институт филологии СО РАН, 1999.
- Плеханов Г. В.* М. П. Погодин и борьба классов // Сочинения. Т. XXIII / под ред. Д. Рязанова. — М., Л. : Государственное издательство, 1926. — С. 45–101.
- Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжение крымской войны. 1853–1856. — М. : Тип. В. М. Фриша, 1874.

- Потанин Г. Н.* Письма Г. Н. Потанина. В 5 т. Т. 1. — Иркутск : Иркутский университет, 1987.
- Реизов Б. Г.* Французская романтическая историография (1815–1830). — Л. : Ленинградский государственный университет, 1956.
- Российская революция 1917 года : власть, общество, культура : в 2 т. / под ред. Ю. А. Петрова. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2017.
- Рудницкая Е. Л.* Шестидесятник Николай Ножин. — М. : Наука, 1975.
- Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России : Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930 / под ред. Б. Н. Миронова, О. В. Шныровой, И. И. Юкиной ; пер. с англ. И. А. Школьниковой, О. В. Шныровой. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
- Тесля А. А.* «Украинофил» в «общерусском» контексте : публицистика Н. И. Костомарова 1861–1883 годов // Новое литературное обозрение. — 2017. — № 2. — С. 137–153.
- Тьерри О.* Избранные сочинения / пер. с фр. О. Л. Вайнштейна. — М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
- Шарапов С. Ф.* Россия будущего / под ред. О. А. Платонова. — М. : Институт русской цивилизации, 2011.
- Эдельман О. В.* Павел Пестель : Очерки. — М. : Модест Колеров, 2022.
- Янковский Ю. З.* Патриархально-дворянская утопия : Страница русской общественно-литературной мысли 1840-1850-х годов. — М. : Художественная литература, 1981.

Teslya, A. A. 2024. "Russkiye sotsialisty v poiskakh chastno-voplotimogo budushchego [Russian Socialists in Search of a Privately Embodied Future]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (2), 48–73.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY

SENIOR RESEARCH FELLOW, SCIENTIFIC DIRECTOR

RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT, INSTITUTE FOR HUMANITIES

IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY (KALININGRAD, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-2437-5002

RUSSIAN SOCIALISTS IN SEARCH OF A PRIVATELY EMBODIED FUTURE

Submitted: Nov. 28, 2023. Reviewed: Dec. 30, 2023. Accepted: Apr. 05, 2024.

Abstract: The article attempts a cross-cutting examination of the “images of the future” of Russian socialist intellectuals over the course of half a century: from the 1840s to the 1890s. Early Russian radicalism is characterized by an emphasis on the direct, personally realizable embodiment of new practices as a consequence of the need to overcome the gap

between broad general ideas, the impossibility of social action and the prospects of the near future associated with one's own participation. The basic tension inherent in the next period (from the 1860s) for the socialist trend lies in the impossibility of more or less correlating visions of the desired future with visions of the actual Western European situation — and thus the impossibility of unequivocally adopting a straightforward progressivist view (which would otherwise make the actual Western European state more or less a close prospect for Russia). The same tension is also responsible for the special attention and complexity of the problem of personal, direct action, since “working in favor of progress” itself turns out to be socially ambiguous in this perspective. In this perspective, two seemingly distant lines are reinforced. Firstly, the “enlightenment”, conventionally a-historical — where the desired future is derived from the triumph of reason over unreason, and reason is equal to itself, and the key question is the degree of enlightenment of society/masses. Secondly, ethical — where the “just” is understood as not guaranteed by the course of history and as historical in itself (although rooted, as a rule, in “human nature”). This complex of ideas and perceptions gets a new intellectual life in the “idealist” movement of the early 20th century.

Keywords: “Women’s Question”, Ideology of the “Third Way”, Narodnichestvo, Image of the Future, Russian Socialism, Emancipation.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-48-86.

REFERENCES

- Annenkov, P. V. 1928. *Literaturnyye vospominaniya [Literary Memoirs]* [in Russian]. Ed. by B. M. Eykhenbaum. Leningrad: Academia.
- Belinskiy, V. G. 1985. *Sochineniya Aleksandra Pushkina [The Completed Essays of Alexander Pushkin]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Bogdanovich, T. A. 1928. *Lyubov' lyudey shestidesyatykh godov [People of the Sixties in Love]* [in Russian]. Leningrad: Academia.
- Bultmann, R. 2012. *Istoriya i eskhatologiya [History and Eschatology]: Prisutstviye vechnosti [The Presence of Eternity]* [in Russian]. Trans. from the English by A. M. Rutkevich. Moskva [Moscow]: Kanon+ / ROOI “Reabilitatsiya”.
- Butenko, V. A. 1913. *Liberal'naya partiya vo Frantsii v epokhu Restavratsii. T. I: 1814–1820 [Liberal Party in France in the Epoch of the Restoration. Vol. 1: 1814–1820]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stasyulevicha [M. M. Stasulevich Typography].
- Edel'man, O. V. 2022. *Pavel Pestel' [Pavel Pestel]: Ocherki [Essays]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov.
- Gordeyeva, I. A. 2017. *Zabytyye lyudi [Forgotten People]: Istoriya rossiyskogo kommunitarnogo dvizheniya [History of the Russian Communitarian Movement]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Common Place.
- Hensel, P. 1903. *Karleyl' [Carlyle]* [in Russian]. Trans. from the German by P. Morozov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye redaktsii zhurnala “Obrazovaniye” [“Education” Magazine Editorial Office Publishing].
- Ingerflom, K. S. 1993. *Nesostoyavshiyasya grazhdanin [A Failed Citizen]: Russkiye korni leninizma [The Russian Roots of Leninism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: IPOL.
- Kablits I. I. [Yuzov I.] 1886. *Intelligentsiya i narod v obshchestvennoy zhizni Rossii [Intelligentsia and the People in the Public Life of Russia]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya N. A. Lebedeva [N. A. Lebedev Typography].

- . 1888. *Osnovy narodnichestva. Ch. 1 [Foundations of Narodnichestvo. Part 1]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tip. N. A. Lebedeva [N. A. Lebedev Typography].
- Kafanova, O. B., and M. V. Sokolova. 2005. *Zhorzh Sand v Rossii [Georges Sand in Russia]: Bibliografiya russkikh perevodov i kriticheskoy literatury na russkom yazyke (1832–1900) [Bibliography of Russian Translations and Critical Literature in Russian (1832–1900)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: IMLI RAN [IWL RAS Publishing].
- Klassicheskiy frantsuzskiy liberalizm. Sbornik [Classical French Liberalism. A Collection]* [in Russian]. 2000. Trans. from the French by M. M. Fedorova. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- Knizhnik-Vetrov, I. S. 1925. *P. L. Lavrov [Lavrov]: yego zhizn' i trudy [His Life and Works]* [in Russian]. Leningrad: Priboy.
- Kolerov, M. A. 2002. "Idealismus militans [Idealismus militans]: istoriya i obshchestvennyy smysl sbornika 'Problemy idealizma' [History and Social Meaning of the Collection 'Problems of Idealism']" [in Russian]. In *Problemy idealizma. Sbornik statey (1902) [Problems of Idealism. Collection of Articles (1902)]*, ed. by M. A. Kolerov, 61–224. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov / "Tri kvadrata".
- Kondors-e, Zh. A. 1936. *Eskiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma [Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain]* [in Russian]. Trans. from the French by I. A. Shapiro. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo [State Socio-Economic Publishing House].
- Kotlyarevskiy, N. 1916. *Kanun osvobozhdeniya. 1855–1861 [From the Life and Sentiments in Radical Circles of That Time]: Iz zhizni i nastroyeniya v radikal'nykh krugakh togo vremeni* [in Russian]. Pg.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha [M. M. Stasulevich Typography].
- Lavrov, P. L. 1934. *1857–1871 [1857–1871]* [in Russian]. Vol. 1 of *Izbrannyye sochineniya na sotsial'no-politicheskiye temy [Selected Works on Social and Political Themes]*, ed. by I. A. Teodorovich, with annots. by I. S. Knizhnik-Vetrov. 8 vols. Moskva [Moscow]: Vsesoyuznoye obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev [All-Union Political Ex-Convict and Convict Settler Society].
- . 1965. [in Russian]. Vol. 2 of *Filosofiya i sotsiologiya [Philosophy and Sociology]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Lemke, M. K. 1904. *Nikolay Mikhailovich Yadrintsev. Biograficheskiy ocherk k desyatilетию so dnya konchiny (1894–7/VI–1904 gg.) [Nikolai Mikhailovich Yadrintsev. Biographical Sketch to the Tenth Anniversary of His Death (1894–7/VI–1904)]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izd. redaktsii gazety "Vostochnoye obozreniye" ["Eastern Review"] Newspaper Editorial Office Publishing].
- Löwith, K. 2021. *Smysl v istorii. Teologicheskiye predposylki filosofii istorii [Meaning in History. Theological Prerequisites for the Philosophy of History]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Sarkisyants. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Malia, M. 2010. *Aleksandr Gertsen i proiskhozhdeniye russkogo sotsializma. 1812–1855 [Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism, 1812–1855]* [in Russian]. Trans. by A. Pavlov and D. Uzlaner. Moskva [Moscow]: Territoriya budushchego.
- Mikhaylovskiy, N. K. 1896. [in Russian]. Vol. 1 of *Sochineniya N. K. Mikhaylovskogo [Works of N. K. Mikhailovsky]*. 6 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye redaktsii zhurnala "Russkoye Bogat'stvo".
- . 1922. *Chto takoye progress? [What is Progress?]* [in Russian]. Ed. by R. V. Ivanov-Razumnik. Pg.: Kolos.

- Mil'china, V. A. 2017. "Frantsuzy poleznyye i vrednyye" ["French Useful and Harmful"]: *Nadzor za inostrantsami v Rossii pri Nikolaye I* [Oversight of Foreigners in Russia under Nicholas] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Paperno, I. 1996. *Semiotika povedeniya* [Semiotics of Behaviour]: *Nikolay Chernyshevskiy — chelovek epokhi realizma* [Nikolai Chernyshevsky — a Man of the Epoch of Realism] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Pavlenko, O. V. 2016. "Panslavizm i yego modeli [Panslavism and Its Models]" [in Russian]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], no. 5, 3–15.
- Pecherskaya, T. I. 1999. *Raznochimtsy shestidesyatykh godov XIX veka* [Raznochimtsy of the Sixties of the XIX Century]: *fenomen samosoznaniya v aspekte filologicheskoy germeneyutiki (memuary, dnevniki, pis'ma, belletristika)* [The Phenomenon of Self-Consciousness in the Aspect of Philological Hermeneutics (Memoirs, Diaries, Letters, Fiction)] [in Russian]. Novosibirsk: Institut filologii SO RAN [Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS].
- Petrov, Yu. A., ed. 2017. *Rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda* [Russian Revolution of 1917]: *vlast', obshchestvo, kul'tura* [Power, Society, Culture] [in Russian]. 2 vols. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP·EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- Plekhanov, G. V. 1926. "M. P. Pogodin i bor'ba klassov [Pogodin and the Class Struggle]" [in Russian]. In *Sochineniya* [Works], ed. by D. Ryazanov, xxiii:45–101. Moskva [Moscow] and Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.
- Pogodin, M. P. 1874. *Istoriko-politicheskiye pis'ma i zapiski v prodolzheniye krymskoy voyny. 1853–1856* [Historical and Political Letters and Notes in the Course of the Crimean War. 1853–1856] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tip. V. M. Frisha.
- Potantin, G. N. 1987. [in Russian]. Vol. 1 of *Pis'ma G. N. Potanina* [Letters of G. N. Potanin]. 5 vols. Irkutsk: Irkutskiy universitet [Irkutsk State University].
- Reizov, B. G. 1956. *Frantsuzskaya romanticheskaya istoriografiya (1815–1830)* [French Romantic Historiography (1815–1830)] [in Russian]. Leningrad: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet [Leningrad State University].
- Rudnitskaya, Ye. L. 1975. *Shestidesyatnik Nikolay Nozhin* [Nikolai Nozhin of the Sixties] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Sharapov, S. F. 2011. *Rossiya budushchego* [Russia of the Future] [in Russian]. Ed. by O. A. Platonov. Moskva [Moscow]: Institut russkoy tsivilizatsii.
- Stites, R. 2004. *Zhenskoye osvoboditel'noye dvizheniye v Rossii* [Women's Liberation Movement in Russia]: *Feminizm, nigilizm i bol'shevizm. 1860–1930* [Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930] [in Russian]. Ed. by B. N. Mironov, O. V. Shnyrova, and I. I. Yukina. Trans. from the English by I. A. Shkol'nikov and O. V. Shnyrova. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP·EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- Teslya, A. A. 2017. "Ukrainofily v 'obshcherusskom' kontekste" ['Ukrainophile' in the 'All-Russian' Context]: *publitsistika N. I. Kostomarova 1861–1883 godov* [N. I. Kostomarov's Essays of 1861–1863] [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 2, 137–153.
- Thierry, A. 1937. *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works] [in Russian]. Trans. from the French by O. L. Vaynshteyn. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo [State Socio-Economic Publishing House].
- Vaynshteyn, O. L. 1937. "Ogyusten T'yerri [Augustin Thierry]" [in Russian]. In *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works], by A. Thierry, trans. from the French by O. L. Vaynshteyn, viii–xxvi. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo [State Socio-Economic Publishing House].

- Vilenskaya, E. S. 1979. *N. K. Mikhaylovskiy i yego ideynaya rol' v narodnicheskom dvizhenii 70-kh – nachala 80-kh godov XIX veka* [*N. K. Mikhailovsky and His Ideological Role in the Narodnik Movement of the 70s – Early 80s of the XIX Century*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Walicki, A. 2013. *Istoriya russkoy mysli ot prosveshcheniya do marksizma* [*A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism*] [in Russian]. Trans. from the English by K. V. Dushenko. Moskva [Moscow]: Kanon+ / ROOI “Reabilitatsiya”.
- . 2019. *V krugu konservativnoy utopii* [*In the Circle of a Conservative Utopia*]: *Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [*Structure and Metamorphoses of Russian Slavophilism*] [in Russian]. Trans. from the Polish by K. Dushenko. M.: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Yankovskiy, Yu. Z. 1981. *Patriarkhal'no-dvoryanskaya utopiya* [*Patriarchal-Noble Utopia*]: *Stranitsa russkoy obshchestvenno-literaturnoy mysli 1840–1850-kh godov* [*A Page of Russian Social and Literary Thought of the 1840–1850s*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Yegorov, B. F. 1988. *Petrashevtsy* [*The Petrashevsky Circle*] [in Russian]. Leningrad: Nauka.
- Yermichev, A. A. 2014. *Imena i syuzhety russkoy filosofii* [*Names and Narratives in Russian Philosophy*] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.